

Затем, словно под воздействием его подавленного настроения, Водный Дракон внутри его груди резко зашевелился, нанеся сильный удар. В следующий момент, словно пронзенный током, он согнулся от невыносимой боли, упал на колени, крепко сжал грудь и не смог издать ни звука.

— Сяо Фэн, что с тобой?! — Голос мужчины, всегда звучавший спокойно и сдержанно, впервые выдал неподдельную тревогу и беспокойство. Это обращение и тон были точь-в-точь как в воспоминаниях...

— Сяо Фэн, давай создадим группу?

— Сяо Фэн, давай создадим группу? Мы оба играем хард-рок, наши стили совпадают, вместе мы сможем сделать что-то действительно крутое!

— Сяо Фэн, у тебя отличный голос, ты будешь вокалистом, а я буду бэк-вокалистом и клавишником, будем исполнять наши собственные песни!

— Сяо Фэн, я уже арендовал студию, в следующую пятницу, не забудь освободить время!

— Сяо Фэн, ты видел? На сегодняшнем концерте в первом ряду сидела очень милая девушка, и она все время смотрела на тебя с восхищением... Нет, это не сплетни, я просто говорю... Это знак того, что ты станешь знаменитым!

— Сяо Фэн, чтобы отпраздновать успех нашего «альбома», давай сегодня вечером ходим за хот-потом!

— Сяо Фэн, если ты настаиваешь на расставании, можешь хотя бы сказать мне, куда ты идешь?

— Сяо Фэн, я не могу тебя удержать?.. Тогда... желаю тебе...

— Сяо Фэн, Сяо Фэн...

— Сяо Фэн...

Боль, разрывающая грудь, заставила Цзян Фэна сжаться в комок, дрожа от движений Водного Дракона. Невыносимая боль быстро лишила его ясности сознания, и воспоминания, давно забытые, теперь стали такими же яркими, как будто он переживал их заново. Он даже не мог отличить, где грань между воспоминаниями и реальностью.

— Ты... не трогай меня, — боль не позволяла ему закончить фразу, слабый голос прерывался тяжелым дыханием, но он все же изо всех сил пытался оттолкнуть руку мужчины, который хотел его поддержать. — Убирайся!

— Невозможно, — голос Хэ Цзинлиня оставался ровным, но громким, словно приказ, полный решимости и непререкаемости. Он прошел профессиональную подготовку по оказанию первой помощи и, увидев, что Цзян Фэн бледен, губы его посинели, а пульс стал частым и слабым, сразу понял, что это симптомы тяжелой гипоксии, вызванной удушьем.

Ранее, во время разговора, Цзян Фэн ничего не пил, так что вряд ли это было вызвано попаданием инородного тела в дыхательные пути. Если бы это было отравление угарным газом, он сам бы почувствовал недомогание. Хэ Цзинлинь быстро анализировал возможные причины внезапного приступа Цзян Фэна, одновременно укладывая его на пол, приподнимая голову и шею, расстегивая пуговицы на одежде, чтобы обеспечить свободное дыхание.

То, что он увидел, поразило его. Под тонкой грудью Цзян Фэна явно что-то двигалось вдоль аорты, мышечные спазмы ясно указывали на присутствие инородного тела, и по его неровной траектории и ловким движениям было очевидно, что это...

...Что-то живое.

— Убирайся! Хэ Цзинлинь... Я не хочу тебя видеть... — Цзян Фэн продолжал пытаться подняться и оттолкнуть Хэ Цзинлиня, но из-за боли и нехватки кислорода он был слишком слаб, чтобы противиться. Чтобы предотвратить дальнейшие попытки сопротивления, которые могли бы причинить ему больше боли, Хэ Цзинлинь сел верхом на живот Цзян Фэна, прижав его руки коленями, и наконец обездвигил его.

— Я сказал, что это невозможно. Ты мой! — Одной рукой он крепко прижал нечто, двигающееся в груди Цзян Фэна, а другой грубо схватил его за волосы и резко откинул голову назад. Поза с запрокинутой головой заставила рот Цзян Фэна открыться, и Хэ Цзинлинь, зажав его нос, глубоко вдохнул и выдохнул воздух в его рот.

Этот метод сильно отличался от стандартного проведения искусственного дыхания, и он мог использовать только одну руку, что делало процесс крайне сложным. Однако, когда он почувствовал, как грудь Цзян Фэна расширяется от вдываемого воздуха, Хэ Цзинлинь слегка расслабился.

После небольшой паузы он повторил искусственное дыхание. Его губы полностью охватили рот Цзян Фэна, чтобы предотвратить утечку воздуха, и в этот момент он ясно ощутил, как мягкие губы под ним холодны и слегка дрожат от боли и страха.

Он был словно хрупкое сокровище, которое могло разбиться в любой момент...

Повторив это несколько раз, он наконец почувствовал, как дыхание Цзян Фэна стало ровным и глубоким, а то, что он прижимал ладонью, исчезло после нескольких слабых движений. Хэ Цзинлинь, наконец расслабившись, заметил, как его собственное сердце бешено колотилось от пережитого напряжения. Он отпустил Цзян Фэна, оперся на руки и спокойно смотрел на человека под ним, пока его сердцебиение не успокоилось.

Молодой человек с изящными чертами лица имел покрасневшие глаза, лицо его было испачкано слезами, а на ресницах еще висели слезинки. Это не было проявлением слабости, скорее, это были физиологические слезы, вызванные сильным удушьем, но Цзян Фэн, словно стыдясь, отвернулся и поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Это движение полностью обнажило его стройную шею, изящные линии которой излучали жизненную силу. Хэ Цзинлинь осторожно поцеловал его шею, пытаясь успокоить, и мышцы шеи Цзян Фэна вначале напряглись от неожиданного прикосновения, но затем постепенно расслабились.

Увидев, что Цзян Фэн не проявляет сильного сопротивления, Хэ Цзинлинь снова поцеловал его, на этот раз в уголок рта, и задержался там на долгое время. Затем мужчина улыбнулся с глубоким удовлетворением, закрыл глаза и прижался головой к шее Цзян Фэна, чувствуя пульсацию его сердца.

— Хэ Цзинлинь, — спустя долгое время тихо произнес Цзян Фэн, его голос все еще хрипел от пережитой боли. — Могу я спросить, почему именно я?

Неизвестно, не знал ли Хэ Цзинлинь, как ответить, или просто наслаждался тишиной между

ними, но он долго молчал.

— На собеседованиях я часто спрашиваю кандидатов: что в вашей жизни является самым большим достижением, которым вы гордитесь?

В конце концов, Хэ Цзинлинь не ответил на вопрос Цзян Фэна, а начал говорить о другом. После всех пережитых событий его голос звучал устало, и теперь, сбросив холодную маску бизнес-магната, он был полон нежности и заботы.

— Ответы бывали самые разные. Кто-то говорил о достижениях на предыдущей работе, кто-то о написанных книгах или о том, как помогал знаменитостям в сложных ситуациях. Некоторые больше ценили эмоциональные аспекты, говоря, что самым большим достижением была женитьба на нынешней супруге, счастливая семья или умение готовить вкусные блюда и наличие верных друзей...

Хэ Цзинлинь сделал паузу, снова поднял голову от шеи Цзян Фэна, мягко отвел его руку и взял его лицо в свои ладони, заставляя смотреть на себя.

— Для меня, за тридцать два года жизни, самым большим достижением было выпустить альбом Чу Аньгэ, позволить песне «Сияние» и ее мелодии быть услышанными, любимыми и распеваемыми бесчисленными людьми. Я приложу все усилия, чтобы защитить это, и не позволю никому разрушить это.

Говоря это, Хэ Цзинлинь смотрел прямо и искренне, без тени сомнения или уклончивости. Цзян Фэн почувствовал, как снова появилось то неприятное ощущение сдавленности в груди. Очевидно, Хэ Цзинлинь хотел защитить репутацию Чу Аньгэ, поэтому решил использовать этот метод, чтобы подкупить его, контролировать его, даже нарушая свои принципы. Что он теперь значил для Хэ Цзинлиня...

— Сяо Фэн. Даже если ты не знаешь меня, ты должно быть, слышал о моих принципах. Я не стал бы шутить с такими вещами.

Цзян Фэн снова попытался отвернуться, но Хэ Цзинлинь остановил его. Темные глаза мужчины глубоко смотрели в его, и он низким голосом произнес:

— Сяо Фэн, что для тебя является самым большим достижением в жизни?

<http://bllate.org/book/16452/1492387>